

П.Е. Бухаркин

ДУХОВНАЯ ОДА М.В. ЛОМОНОСОВА: ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ И РЕЛИГИОЗНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

В статье предлагается краткое исследование поэтического наследия М.В. Ломоносова, акцентированное на жанре духовной оды. В первой части статьи демонстрируются различные жанровые варианты духовной оды, нашедшие отражение в творчестве русского поэта, и анализируется их поэтика (метрика, строфика, стиль) в соотношении с особым «одическим восторгом». Отмечается, что жанр оды духовной — совершенно особый мир религиозного восприятия М.В. Ломоносова. Во второй части статьи на примере конкретных од автор приводит в пример видение главных для М.В. Ломоносова тем: Бога-Творца, сияющего в человеке и мироздании, а также промысла Божия, пребывающего в космосе.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, торжественная ода, духовная ода, ломоносовская духовная поэзия, «преложение», псалмические стихи, парафразис, теодицея.

Центральным нервом художественного мира М.В. Ломоносова является — без всяких сомнений — ода; в истории одического жанра (и не только в России) М.В. Ломоносову принадлежит исключительная по влиятельности роль: в частности, он оказался подлинным создателем русской оды, определив, к тому же, дальнейшую её историю. Причем, говоря о ломоносовской оде, надо все время держать в сознании две её ипостаси — конечно, не разделенные непреодолимой границей, но принципиально различные по тематике, композиции, функциям — оду торжественную и оду духовную.

В некоторых отношениях ломоносовская духовная ода отчасти близка оде торжественной, поэтому, предваряя рассмотрение духовной оды, следует сказать несколько слов и об оде панегирической. Пожалуй, главной, конститутивной ее особенностью (если оставить в стороне проблемы формального порядка) оказывается «пиитический восторг». Одический поэт менее всего напоминает подобострастного льстеца, он восхищается предметом собственного лирического созерцания не из расчета и не по должности, а следуя велению взволнованного сердца и согласного с этой взволнованностью воспарившего ввысь ума. Дело в том, что цель торжественной оды состоит не в похвале власти, не в похвале вообще — поэтому определять её как похвальную вряд ли корректно.

Петр Евгеньевич Бухаркин — доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургской православной духовной академии.

Её задача в другом — в обнажении сокрытой основы мира, субстанциального уровня его предметов и явлений. Через искаженные земной конкретикой образы идеальных сущностей ода проникает в самые эти сущности, обнаруживая внутреннюю красоту Вселенной, отражающую величие Творца¹. Конечно, грандиозная эта задача — задача всего искусства, а не оды только, более того — это задача любого вида познавательной деятельности человека. Однако искусству отводится здесь особое по важности место: оно, возможно, успешнее, нежели что-либо другое доходит до искомого результата.

Созерцание такой гармонии и вызывает восторг, в оде достигающий предельной своей интенсивности, что и делает оду иерархически маркированным жанром. Применительно к торжественной оде гармония обнаруживается в плоскости исторического существования: торжественная ода за реалиями государственной жизни ощущала наиболее близкие к совершенству виды её существования, то, что приближается к идеалу — насколько он достижим в условиях земного бытия. Обнаружение в действительности идеальной составляющей, точнее — прозрение в ней идеального — требовало огромного внутреннего напряжения, следствием которого было парение одического поэта. Он воспарял в искреннем восторге перед представавшей его умственному взору картиной, ощущая трепетную радость перед раскрывавшейся — пусть лишь в качестве возможности — гармонией исторического бытия.

Духовная ода в данном отношении не противостоит оде панегирической; она тоже направлена на выявление глубинных начал бытия и Вселенной, на обнаружение их благодатного источника. И её пронизывает некоторый вид восторга, достаточно вспомнить «Оду, выбранную из Иова», наполненную эмоционально напряженными картинами грандиозного Божественного всемогущества или же «Утреннее размышление о Божием величестве». Но, все же, это восторг другого порядка и рода — не перед Империей, но перед величием Творца, присутствие которого так ощутимо в жизни мироздания, и, может быть, еще сильнее и удивительнее — в личности отдельного человека. Это величие для М.В. Ломоносова очевиднее и бесспорнее идеальности Империи. Бог не требует комплиментарности, посему духовные оды трезвее и резче, в них не найти налета идеализированности и утопизма, которого пиндарическая ода далеко не лишена. Возможно, это обстоятельство и определило ту высокую оценку, какую дал им (в отличие

¹Эта сторона оды получила подробное и глубокое освещение в книге Н.Ю. Алексеевой. См., в частности: *Алексеева Н.Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 178–198.

от торжественных од) А.С. Пушкин. Кроме того, духовная ода в самой незначительной мере связана с придворной панегирической культурой, от которой ода торжественная, как известно, неотделима. Она в несоизмеримо большей степени обращена к внутренней жизни человека, нежели к социальной его активности. Этим, кстати, обуславливается особый лиризм духовной оды. Выше говорилось и о своеобразном лирическом пафосе торжественной оды; и в ней, несомненно, присутствует личностное начало: пронизывающий её восторг — это восторг отдельного человека, одический поэт не просто поёт совершенство Империи, он выражает свое ею восхищение². Однако лиризм торжественной оды совсем особый, если так можно выразиться — сугубо исторический; непосредственно и прямо интимного содержания он лишен, точнее, интимным содержанием торжественной оды оказывается её социально-историософская проблематика. В духовной же оде речь идет как раз об интимных сторонах жизни, недаром при желании в них можно обнаружить автобиографические мотивы. Впрочем, «личные» темы ломоносовских духовных од правильнее было бы интерпретировать не как выражение в слове собственных неповторимых переживаний, но как размышление над внутренними событиями человеческого бытия вообще. Главное в них — это проблемы: греха и добродетели, гонений и воздаяния, справедливости, возмездия, милости. Смысл жизни и согревающая эту жизнь Божественная любовь — вот что наиболее важно для поэта. Последняя особо ощутима в парафрастических духовных одах, то есть в стихотворных переложениях псалмов, составляющих своего рода стержень духовной оды в целом. Впрочем, все духовные оды — вне зависимости от модификаций — обращены к Богу; в них проблемы рассматриваются строго под углом зрения Божественного присутствия в мире и человеческих попыток его прочувствовать и осознать. «Все вообще так называемые жизненные вопросы в таком контексте — вопросы человека, живущего жизнью перед Богом, к своему Богу»³. В некотором смысле можно сказать, что духовные оды располагаются в пространстве диалога человека с Творцом, что и делает их именно духовными — в самом точном значении данного слова, — а не философскими.

Духовная ода представляет собою в поэзии XVIII столетия явление достаточно сложное, и даже расплывчатое. Как только что было сказано, она вклю-

²Об образе автора в торжественной оде, вообще о проблеме личностного присутствия в данном жанре писал И.З. Серман. См.: *Серман И.З.* Русский классицизм. Л., 1973. С. 26–57.

³*Аверинцев С.С.* Вслушиваясь в слово: три действия в начальном стихе Первого Псалма — три ступени зла // *Аверинцев С.С.* Связь времен. Киев, 2005. С. 24.

чает — в качестве наиболее определенной и неоспоримой своей части — переложения псалмов. Кроме того, к духовной оде принадлежат строфические стихотворения на религиозные темы — если приводить примеры из позднейшего времени, то в первую очередь требуется назвать «Бог» или «Иисус Христос» Г.Р. Державина; религиозные медитации обнаруживаются и в поэзии середины XVIII в., например, они многочисленны среди духовных од А.П. Сумарокова. Впрочем, тут сразу же обнаруживается известная неясность — в частности, возникает вопрос о соотношении непарафрастических духовных од с одами нравоучительными; граница между данными феноменами весьма трудноуловима. Это, естественно, затрудняет осмысление духовной оды во всем многообразии её разновидностей, причем эти трудности усугубляются также сложными взаимоотношениями духовной оды с одой гораціанской, и недостаточной проясненностью вопроса о натурфилософской тематике духовной поэзии. Последний, как известно, имеет к М.В. Ломоносову самое прямое отношение, ему-то и принадлежат самые знаменитые натурфилософские оды XVIII столетия⁴.

Правда, применительно к ломоносовскому поэтическому наследству данные трудности существенно смягчаются тем обстоятельством, что сам М.В. Ломоносов (как и многие литераторы того времени) вполне определенно относил основные и важные для себя стихотворные произведения к тем или другим жанрам; в частности, нам известно, какие именно из них он квалифицировал как оды духовные — издавая в 1751 г. «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе Михайла Ломоносова, книга первая», в первый его раздел («оды духовные») М.В. Ломоносов включил десять од: восемь парафрастических (переложения — «преложения», как называл их сам автор — семи псалмов: 1, 14, 26, 34, 70, 143 и 145 и нескольких глав (38, 39, 40 и 41) ветхозаветной Книги Иова) и две оды, условно говоря, богословско-философские (или даже — натурфилософские): «Утреннее размышление о божием величестве» и «Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния». Кроме этих произведений М.В. Ломоносову принадлежат еще две бесспорные — так как тоже являются «преложениями» псалмов — духовные оды: опубликованный в качестве риторического примера (один из типов «расположения по силлогизму») в § 269 «Краткого руководства к красноречию...» 116 псалом и псалом 103, вернее, стихотворный парафразис первых шестнадцати псалмических стихов, следующие девятнадцать остались непереуладенными на стиховой язык

⁴См. о парафрастических одах XVIII в. (то есть о переложениях псалмов) в контексте эволюции жанра духовной оды: *Луцевич Л.Ф.* Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002.

М.В. Ломоносова. Оба этих сочинения не вошли в издание 1751 г.: 116 псалом, вероятно, по причине чрезвычайной краткости — это, вероятно, самый короткий псалом (всего два стиха), под пером М.В. Ломоносова он преобразился в четырехстишие; поэт ограничился его публикацией в тексте «Краткого руководства к красноречию...». 113 же псалом М.В. Ломоносовым был не только не напечатан, но, как только что говорилось, и не завершен⁵, впервые он появился в свет лишь в 1784 г., в первом томе «Полного собрания сочинений Михаила Васильевича Ломоносова», осуществленного Санкт-Петербургской императорской академией наук. К кругу духовной поэзии примыкает также и перевод оды Ж.-Б. Руссо «На счастье», хотя в нем едва ли не доминирует общественная (или, выражаясь более мягко, историософская) проблематика, направляющая этот вдохновенный образец ломоносовского поэтического творчества в сторону торжественной оды.

Итак, рассматривая ломоносовскую духовную оду, надо иметь в виду в первую очередь те произведения поэта, которые вошли в соответствующий раздел издания 1751 г. При вполне понятных различиях между ними — прежде всего обусловленных принадлежностью к двум различным типам духовной оды — парафрастической и, так сказать, духовно-философской — нетрудно, однако, заметить и объединяющие их начала. Во-первых, все они отмечены формальными признаками духовной оды, прежде всего, строфической формой: парафрастические оды написаны четырехстишной строфой, в пяти случаях из семи система рифмовки АВАВ, в двух (26 и 143) соотношении женских и мужских клаузул оказывается обратным — аВАВ; в «Оде, выбранной из Иова» используется восьмистишная строфа АВАВССdd; в обоих же «Размышлениях» строфа включает по шесть стихов, причем, в «Утреннем размышлении...» видим чередование женских и мужских клаузул (АВАВсс), а в «Вечернем...» строго выдержана чисто мужская рифмовка (ававсс), что «образует еще большее ускорение, даже некоторую отрывистость строк»⁶. Строфическая форма и позволяет — в дополнение к жанровому обозначению автора — без всяких сомнений и безоговорочно отнести духовные стихотворения М.В. Ломоносова к духовной оде — напомним, что строфа — обязательный формальный признак этого жанра.

⁵Причины, по которым переложение 113 псалма осталось незавершенным, не вполне ясны. См. по этому поводу соображения М.И. Сухомлинова: *Ломоносов М.В. Сочинения*. Т. 1. СПб., 1891. С. 383–384 (вторая пагинация).

⁶*Чичерин А.В.* Очерки по истории русского литературного стиля. М., 1977. С. 315.

Во-вторых, ломоносовские духовные оды соизмеримы по своему объему. Естественно, они отличаются по количеству стихов, и достаточно сильно — самые длинные духовные оды М.В. Ломоносова — переложение 34 псалма и «Ода, выбранная из Иова» — насчитывают по 112 стихов, самая короткая — переложение 14 псалма — всего 20 стихов. Но подобная амплитуда колебаний, несмотря на свою широту, все же не отменяет принципа соразмерности: при всех количественных различиях, духовные оды не переступают — ни в ту, ни в другую сторону некоего предела, трудно определяемого в литературоведческих терминах, но, тем не менее, вполне ощутимого; все оды остаются в рамках, соответствующих определенной мере — мере «нормального», среднего стихотворения: ни нижняя, ни верхняя количественная граница не выводят духовные оды за данные пределы. Кстати, подобная «усредненность» в перспективе развития поэзии приобретает дополнительную и крайне значимую черту — она усиливает чувство принадлежности рассматриваемых текстов к лирике в узком её значении.

Соразмерность духовных од усиливается и их строфичностью: единообразие определяющего текстовую структуру композиционного принципа способствует смягчению количественных различий и усиливает ощущение соотносимости объема духовных од. Еще более важным оказывается третье обстоятельство, также относящееся к размеру — десять духовных од с несомненной очевидностью распадаются на три группы: первая (Псалмы 1, 14 и 145) включает стихотворения, колеблющиеся между 20 и 32 стихами, вторая (Псалмы 24, 143, «Утреннее...» и «Вечернее размышление...») — между 48 и 60 стихами, третья (Псалмы 34 и 70 и «Ода, выбранная из Иова») — между 96 и 112 стихами; промежуточных вариантов между этими достаточно четкими группами нет. С известным (и немалым) преувеличением, но можно все-таки сказать, что духовные оды оказываются представлены лишь тремя своими количественными вариантами; и это тоже способствует их соразмерности.

В-третьих, восемь из десяти духовных од М.В. Ломоносова написаны четырехстопным ямбом, одна (26 Псалом) — чередованием четырех- и трехстопного ямба, и одна (14 Псалом) — четырехстопным хореем. Подобное метрическое единообразие, смягченное двумя исключениями, а также ритмическими вариациями и интонационным многообразием, естественно, способствует единству всего корпуса ломоносовской духовной поэзии.

Только что выделенные факторы носят, при всей своей безусловной важности, отчасти внешний характер. Они касаются формального единства духов-

ных од М.В. Ломоносова. Однако объединяющее их начало касается и вещей более существенных, непосредственно связанных с поэтическим содержанием духовных од и даже с их внутренней формой. Прежде всего, данные оды близки друг другу своей проблематикой — имею в виду не вопросы духовной жизни вообще; то, что они непременно присутствуют во всех духовных одах, говорит лишь о их соответствии собственному жанру и, естественно, не свидетельствует ни о каких требующих отдельного разговора перекличках между отдельными произведениями. Нет, речь идет о близости несколько иного сорта: ломоносовские духовные оды обнаруживают серьезную философскую нагруженность, причем это относится не только к собственно философским одам («Утреннему...» и «Вечернему размышлению...») — философичность их содержания сама собой разумеется, но и к одам парафрастическим, а они могут и не быть столь философски насыщенными: общие проблемы бытия являются предметом переживания и осмысления далеко не во всех псалмах. М.В. Ломоносов же проявляет особую заинтересованность как раз в псалмах такого типа, в тех, в которые «вплетаются и размышления»⁷, таким, например, как псалмы 14 или 143, или же 103. Последний (к сожалению, как отмечалось выше, М.В. Ломоносовым до конца не переложенный в стихи) является одним из самых интенсивных по глубине и обобщенности направленной на всю Вселенную мысли во всей Псалтири; об этом, в частности, свидетельствует его подзаголовок в славянском тексте — «О мирстем бытии», то есть о существовании, устройстве, жизни мироздания в целом. Вообще, среди обсуждаемых в переложенных М.В. Ломоносовым псалмах вопросов, те, что связаны с натурфилософией, наиболее многочисленны, причем, псалмические натурфилософские темы разрабатываются им с предельным тщанием, иногда — более выразительно, нежели в самом псалме. Так, шестой стих 145 псалма — «сотворившего небо и землю, море и вся, яже в них, хранящего истину в век» — в ломоносовском парафразаисе приобретает следующий вид:

Несчетно многими звездами
Наполнившего высоту
И непостижными делами
Земли и моря широту. (199)

Эта строфа легко обнаруживает немалую свою близость к «Оде, выбранной из Иова» и обеим собственно натурфилософским одам М.В. Ломоносова:

⁷Аверинцев С.С. Вслушиваясь в слово. С. 24.

та же детализация, не лишенная своеобразной научной точности и, одновременно, взволнованное преклонение перед грандиозностью Творения, что и в них. Духовные оды М.В. Ломоносова — в обеих их разновидностях — действительно объединяются единством философской проблематики, находящей, при этом, одинаковое поэтическое воплощение.

Ломоносовская духовная поэзия обладает определенной цельностью, обусловленной, как мы могли увидеть, разнообразными причинами. Однако это целостность, при всей своей несомненности, совсем особого рода, она весьма относительна: вряд ли следует видеть в ней отчетливо организованное целое, сознательно построенное и подчиненное смысловому сюжету такой степени проясненности, что его можно эксплицировать⁸. Возможно и, наверное, даже должно говорить о едином смысловом и волевом пространстве духовных од М.В. Ломоносова, но это — не лишенное расплывчатости пространство семантического поля с его подвижными границами, а не строгая и целенаправленная структура; стихотворные образования гипертекстового типа (то есть циклы) возникают с их лирической сюжетностью в русской поэзии значительно позже и, как представляется, вне всякой связи с М.В. Ломоносовым. Впрочем, телеологичности его духовные оды, рассматриваемые как целое, не лишены; отнюдь, их пронизывает то же самое волевое усилие, что и оды торжественные — стремление обнаружить гармонические основы бытия, но не в историко-государственной сфере, как там, а в масштабах всего космоса, увиденного сразу же в двух возможных в данном случае ракурсах — как микрокосм и как макрокосм. Этот двойной взгляд и определяет основные полюсы ломоносовской духовной поэзии, которые, не выстраивая в ней, как отмечалось, никакого лирического сюжета, тем не менее, определяют её завершенность и, одновременно, внутреннее многообразие, придавая при этом ей крайнюю степень эмоционального напряжения, что и делает философские оды подлинно лирическими (о чем уже говорилось).

Космос как микрокосм, то есть как человек в его усилиях осознать собственную жизнь и окружающий мир, отражающийся в нем, обретая благодаря этому искомую им и ему — и миру — необходимую гармонию — таково, по существу, глубинное содержание ломоносовских псалмических од. Семь пере-

⁸См., например: *Серман И.З.* Поэтический стиль Ломоносова. М. – Л., 1966. С. 38–43; *Луцевич Л.Ф.* Псалтырь в русской поэзии. С. 279–280.

ложенных МВ. Ломоносовым псалмов обнаруживают между собою немало отличий, и, все же, через них проходят некие общие темы — даже не темы, а начала, вообще свойственные всей Псалтыри. Это, во-первых, страстное желание правды, опять-таки, сразу же преломленной в двух плоскостях: правды применительно к отдельной личности, правды как праведности и, с другой стороны, правды в общественной жизни, правды как справедливости. Во-вторых, это осознание несоответствия этой правде опасности греха, легко возникающего в человеческой жизни: благочестие, к которому устремлен псалмический человек, трудно достижимо именно и едва ли не в первую голову из-за этого. В-третьих, тема несправедливого преследования, гонений со стороны «злых», обступающих человека со всех сторон и грозящих ему гибелью.

Словесные мотивы, порожденные воплощением данных начал в стихотворные произведения, наделены в переложениях псалмов интенсивностью различного порядка. Наиболее частотны и влиятельны (в смысле воздействия на смыслопорождение) — первый и, особенно, третий мотивные комплексы. Так тема правды (в обоих её вариантах) пронизывает преложение 1 псалма, она определяет поэтическое содержание 14 псалма, да и в других стихотворениях она проявляется весьма отчетливо:

Я только от Творца прошу,
Чтоб в храм его вселиться...
(Преложение 26 псалма, 186)

Язык мой правде поучится
И истине святой твоей.
Тобой мой дух возвеселится
Чрез все число мне данных дней.
(Преложение псалма 34, 191)

Но я, о Боже, возглашу
Тебе песнь нову повсечасно;
Я в десять струн тебе согласно
Псалмы и песни приношу.
(Преложение 143 псалма, 198)

И примеры подобного рода легко увеличить. Еще резче бросается в глаза тема гонений, красной нитью проходящая через большинство преложений псал-

мов и нередко формирующая верхний, а потому и самый явный их семантический уровень: нередко именно в нем и видят доминирующий в них художественный смысл, объясняя его автобиографическими причинами⁹.

Значительно менее явлен второй мотивный комплекс — несовершенства самого героя (то есть человека, раскрывающего в псалмах свою душу с её тревогами), его уступки греху. В отличие от других тем он дан скорее намеками, но, тем не менее, его присутствие, пусть и приглушенное, ощущаемое скорее в виде возможного, а не существующего, играет немалую роль. На данные смыслы ломоносовских псалмических парафразисов указывают, например, следующие стихи:

из 26 псалма:

От грешного меня раба. (187)

из 70 псалма:

И бренной сей и тленной груди. (191)

Или — целая строфа (тоже из 70 псалма):

О Боже мой, не удалися,

Покрой меня рукой своей

И помощь ниспослать потщися

Объятой злом душе моей. (192)

Все это формирует мерцающий, однако все же реальный поэтический смысл, связанный с осознанием греховности говорящего псалмическими словами человека. Данный смысл — уже в качестве контекста — начинает воздействовать на семантическое поле некоторых од в целом; прежде всего, это 1 и 14 псалом: путь грешных, о котором прямо, или в отрицательно-зеркальном отражении (праведник не делает того-то и того-то, что является уделом грешников) идет в них речь, начинает осознаться и как потенциальная судьба самого героя; не просто какие-то люди живут так, подобная жизнь может стать и моим уделом.

Данные семантические линии в ломоносовских псалмических парафразисах существуют, естественно, не изолированно; напротив, они тесно и даже неразрывно в них переплетаются. Это и формирует самое общее художественное содержание парафрастических псалмов в целом, их, если так позволительно выразиться, сверхсмысл; его можно определить как попытку решить проблему

⁹См., например: *Мотольская Д.К.* Ломоносов // История русской литературы. Т. III. М. – Л., 1941. С. 338–343; *Серман И.З.* Поэтический стиль Ломоносова. С. 39.

соотношения зла и добра, то есть, учитывая характер ломоносовского мышления, как теодицею. Действительно, ломоносовские преложения псалмов являются теодицеей в самом точном значении данного понятия, то есть способом «согласовать идею благого и разумного Божественного управления миром с наличием мирового зла»¹⁰. Причем, в них преодоление мирового несовершенства, точнее, его своеобразное «снятие», обнаружение всеобъемлющности добра отнесено к человеку: как к человеческой душе, так и взаимоотношению «человеков» друг с другом.

Чрезвычайная резкость темы людской несправедливости и злобы, подстрегающей человека со всех сторон, привела в научной литературе к неоправданному преувеличению удельного веса данного содержательного комплекса в семантическом поле парафрастических од М.В. Ломоносова в целом: «современное общество в своих отношениях к человеку представляется М.В. Ломоносову стихией неразумности и корыстолюбия, миром зла»¹¹. Но это, все же, вряд ли так — при очевидности зла, разлитого в человеческом сообществе и, добавлю, — в человеческой душе (хотя бы как потенция) — зло в парафрастических одах совсем не торжествует, напротив, оно преодолевается: «злые руки» не в силах сокрушить правого, называющего Бога

Помощник мой и покровитель,
Пристанище души моей. (192)

Преступившие Божественный закон ничего с ним поделать не могут, они не в состоянии помешать ему:

Превозносить Твою [то есть Бога. — П.Б.] державу
И воспевать на всякий час
Великолепие и славу. (192)

Более того, «неправедных» — то есть носителей и распространителей зла — ожидает возмездие, в конечном счете, им уготована гибель, в то время как «тот, кто ходит непорочно» (186) неизбежно восторжествует:

¹⁰Аверинцев С.С. Теодицея // Аверинцев С.С. София – Логос: Словарь. Киев, 2006. С. 425. Кстати, именно как теодицею определяет духовные оды Ломоносова и Н.Ю. Алексеева в статье «Ода» / Три века Санкт-Петербурга. Т. 1. Осьмнадцатое столетие. Кн. 2. СПб., 2001. С. 45.

¹¹Серман И.З. Поэтический стиль Ломоносова. С. 41.

Счастлива жизнь моих врагов:
Но те светлее веселятся,
Ни бурь, ни громов не боятся,
Которым вышний сам покров. (198)

Получается, что участь праведного человека, в конце концов, счастливее видимого торжества грешников. Почему так происходит, в целом понятно: контекст Священного Писания, фрагменты которого (псалмы) и являются источниками парафрастических од определяет конечную победу добра; и все же остается некоторая недосказанность, которая увеличивает семантические потенциалы данных од, делая их смыслы не вполне договоренными, а, следовательно — динамичными, живыми в своей неопределенности. Не отменяя, при этом, известной их прозрачности

Идея торжества добра, значительно усиливается и заключающими раздел духовных од стихотворениями — «Утренним...» и «Вечерним размышлением...». К ним примыкает и «Ода, выбранная из Иова», парафрастическая по своей природе, но в отличие от переложений псалмов переносящая акцент с человеческой души на устройство Вселенной; в этих трех одах М.В. Ломоносов поэтически выражает самые общие свои представления о мироздании. Здесь его теодицея приобретает иной характер — от наиболее простой своей формы, связанной с несокрушимой верой в будущее торжество добра она движется к теодицее «эстетико-космологической» (С.С. Аверинцев), утверждающей, «что все частные недостатки космоса, запланированные художническим расчетом Бога, усиливают совершенство целого. Это уже не столько теодицея, сколько космодицея»¹² как раз в начале XVIII столетия и нашла наиболее отчетливое выражение, притом свой самый совершенный вид она обрела под пером Г.-Ф. Лейбница («Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и первопричине зла», 1710), одного из наиболее повлиявших (хотя, скорее и опосредованно) на М.В. Ломоносова старших его современников.

Нельзя сказать, чтобы Вселенная как макрокосм — а именно ей посвящены три интересующие нас сейчас духовные оды, в совокупности и формирующие второй полюс ломоносовской духовной поэзии — вовсе была бы лишена противоречий и неясности. Отнюдь, в ней многое вызывает недоумение, вполне созвучное беспокойству псалмических парафразисов о всеобщности зла. Своего рода аналогом этого зла людского сообщества становится — в масштабах всего

¹²Аверинцев С.С. Теодицея. С. 429–430.

мироздания известная его непонятность, предельная затрудненность постижения его законов — затрудненность столь значительная, что невольно вообще возникает сомнение в возможности понимания универсума, чему и посвящено знаменитое «Вечернее размышление о Божиим величестве при случае великого северного сияния». Но в той же самой мере, в какой несправедливости человеческой жизни не означают господства в ней зла, и во Вселенной непостижимые явления не суть свидетельства её хаотичности; Вселенная гармонична и совершенна полной соразмерностью всех своих элементов — и пречудным устройением каждого из них. Видение этого и наполняет духовные оды М.В. Ломоносова эмоциональной энергией любви и благодарности Творцу, которая оборачивается полным оправданием Божественного Промысла о Творении и, следовательно, глубоким и смиренным восторгом — восторгом перед тем «невероятным подарком» (В. Ходасевич) Бога человеку, каким начинает восприниматься жизнь — как жизнь отдельного человека, так и жизнь Вселенной. Совсем особый, этот восторг, тем не менее, абсолютно созвучен восторженному парению ломоносовских торжественных од.

Источники и литература

1. *Аверинцев С.С.* Связь времен. Киев, 2005.
2. *Аверинцев С.С.* София – Логос: Словарь. Киев, 2006.
3. *Алексеева Н.Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII –XVIII веках. СПб., 2005.
4. История русской литературы. Т. 3. М. – Л., 1941.
5. *Ломоносов М.В.* Сочинения. Т.1. СПб., 1891.
6. *Луцевич Л.Ф.* Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002.
7. *Серман И.З.* Поэтический стиль М.В. Ломоносова. М. – Л., 1966.
8. *Серман И.З.* Русский классицизм. Л., 1973.
9. *Чичерин А.В.* Очерки по истории русского литературного стиля. 1977.